

5. Bzhezinskij Zbignevev: «SShA dolzhny zashhitit' Gruziju, Ukrainu i Azerbajdzhan» / Zbignevev Bzhezinskij [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ru.apa.az/news/128003>.

6. Bzhezinskij: agressija Putina ne zakonchitsja na Ukraine, est' risk dlja drugih / Zb. Bzhezinskij [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2015/03/25/7032244/>.

7. Bzhezinskij: Putin huzhe Gitlera [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://uainfo.org/blognews/1436089729-bzhezinskij-putin-huzhe-gitlera-spiegel.html>.

8. Bzhezyn's'kyj Z. Strategichne bachennja: Ameryka j kryza global'noi' vlady / Per. z angl. Ganny Leliv / Z. Bzhezyn's'kyj. – L'viv: Litopys, 2012. – 168 s.

9. Vyzov dlja vseh ukraincev – sdelat' sledujushhee desjatiletie uspešnym, – Bzhezinskij [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://censor.net.ua/news/307819/vyzov_dlya_vseh_ukraintsev_sdelat_sleduyushee_desjatiletie_uspešnym_bjezinskiyi.

10. Efimov N. N. V chjom opasnost' geostrategii Bzhezinskogo dlja Rossii? / N. N. Efimov // Voennaja mysl'. – №5. – S.31–38; Evstaf'ev D. G. Zbignevev Bzhezinskij kak zerkalo amerikanskoj geopolitiki / D. G. Evstaf'ev // SShA: jekonomika, politika, ideologija. – 1994. – №5. – S.30–41; Kozhakin E. V. Rossija v politicheskikh issledovanijah Zbigneveva Bzhezinskogo 1950–1960-h gg. / E. V. Kozhakin // Istoriya i istoriografija zarubežnogo mira v lichah. – №5. – S.158–170; Polikarpov V. S. Z. Bzhezinskij: Sdelat' Rossiju peshkoj / Vitalij Polikarpov. – M.: Jeksmo: Algoritm, 2011. – 224 s.; Valovoj D. V. Ot Stalina i Ruzvel'ta do Putina i Busha / Dmitrij Valovoj. – M.: TERRA, 2007. – 448 s.; Shakleina T. A. Rossija i SShA v novom mirovom porjadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshhestvah Rossii i SShA (1991–2002) / Tat'jana Shakleina. – M.: Institut SShA i Kanady RAN, 2002. – 445 s.; Shakleina T. A. Diskussii v SShA po vneshnej politike / T. A. Shakleina // SShA – Kanada: jekonomika – politika – kul'tura. – 1999. – №12.; Panarin I. Pervaja mirovaja informacionnaja vojna. Razval SSSR / Igor' Panarin. – SPb.: Piter, 2010. – 256 s.; Tri revoljucii i dve perestrojki. Jetjudy na temu sovetskoi istorii / V. Malinkovich. – M.: IGPI, 2008. – 368 s.; Bezzubcev–Kondakov A. Nado li Rossii bojat'sja Kitaja / A. Bezzubcev–Kondakov, I. Drokanov. – SPb.: Piter, 2011. – 240 s.; Mlechin M. L. Kitaj – velikaja derzhava nomer odin / Mlechin M. L. – SPb.: BHV–Peterburg, 2012. – 400 s.; Evgen'ev V. A. Obrazy SShA i SSSR v koncepcii mirovoj politiki Zbigneveva Bzhezinskogo / V. Evgen'ev // Polis: Politicheskie issledovanija: nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij zhurnal. – 2003. – №1. – S.179–186; Manekin R. V. Zbignevev Bzhezinskij: Who is Who / R. V. Manekin, D. V. Kornilov [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.roman.by/r-14733.html>; Gryshhenko T. A. Zbignevev Bzhezyn's'kyj jak krytyk zovnishn'opolityčnoj' strategii' respublikans'kyh administracij (persh. pol. 1970-h rr.) / T. A. Gryshhenko // Zapyski istoričnogo fakul'tetu. – Vyp.13. – S.206–215; Gryshhenko T. A. Bilja vyotokiv trystoronn'oi' strategii': Zbignevev Bzhezyn's'kyj i pochatkovyj etap dijāl'nosti trystoronn'oi' komisii' // Visnyk KNU im. T. Shevčenko. – 2003. – S.255–258; Gryshhenko T. A. Z. Bzhezyn's'kyj i zminy u zovnishn'opolityčnyh nastanovah administracij' Dzh. Kartera v 1978 r. / T. Gryshhenko // Istoryčnyj zhurnal: naukovе gromads'kopolityčne vydannja. – №5. – S.25–36.

11. Zapad dolzhen predostavit' Ukraine oboronitel'noe oruzhie dlja zashhity krupnyh gorodov, – Bzhezinskij [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://censor.net.ua/news/341952/zapad_dolžen_predostavit_ukraine_oboronitelnoe_oruzhie_dlya_zashchity_krupnyh_gorodov_bjezinskiyi

12. Zbignevev Bzhezinskij o budushhem Rossii i Ukrainy / Zb. Bzhezinskij [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://geopolitica.ru/article/zbignevev-bzhezinskij-o-budushchem-rossii-i-ukrainy#.VfHMM9LdHw>.

13. Mesto Ukrainy na shahmatnoj doske Bzhezinskogo/ Zb. Bzhezinskij [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.russia-post.su/archives/25715>. 13.

14. RF mozhet zahvatit' Rigu i Tallinn za odin den' [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://censor.net.ua/news/321073/rf_mojet_zahvatit_rigu_i_tallinn_za_odin_den_bjezinskiyi_sovetuet_razmestit_voyiska_ssha_v_stranah_baltii

15. Sushhestvuet bol'shoj risk, chto agressija Putina ne zakonchitsja na Ukraine, – Bzhezinskij [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://censor.net.ua/news/329980/suschestvuet_bolshoy_risk_chto_agressiya_putina_ne_zakonchitsya_na_ukraine_bjezinskiyi

16. Jepoha bol'shogo haosa: Bzhezinskij preduprezhdaet [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://inosmi.ru/newtimes_az/20140815/222389746.html.

Krivoshaya I. I., candidate of historical sciences, Professor, Head of the Department of General History, Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University (Ukraine, Uman), igorkryvosheia@gmail.com

Yakimenko L. N., candidate of philology sciences, a member DIAZ «Old Uman» (Ukraine, Uman), igorkryvosheia@gmail.com

The policy of Vladimir Putin in the assessment of Zb. Brzezinski

In light of the Ukrainian events and Russia's role in the complicated international situation, the work of political scientist Zb. Brzezinski are timely, as they represent the assessment of Vladimir Putin's political activities and also his personality. The article investigates the main elements of the «media image» and political portrait of Vladimir Putin, his personal qualities, which the political scientist suggested in the interviews and writings. The article describes Brzezinski's predictive vision of Russia's, which, in turn, determines the nature of Russian–American relations in perspective, also in the context of the Russian–Ukrainian crisis.

Keywords: Russia, EU, USA, Zb. Brzezinski, Vladimir Putin, Ukrainian–Russian relations.

Кривошея И. И., кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, Уманский государственный педагогический университет им. Павла Тычины (Украина, Умань), igorkryvosheia@gmail.com

Якименко Л. Н., кандидат филологических наук, сотрудник ДИАЗ «Старая Умань» (Украина, Умань), igorkryvosheia@gmail.com

Политика Владимира Путина в оценке Зб. Бжезинского

В связи с обострением международной ситуации при участии России и непосредственно событий в Украине особую актуальность и остроту приобретают политологические наработки и публичные высказывания Зб. Бжезинского, в которых он подает оценку политической деятельности В. Путина на посту президента РФ и его личности. В статье прослежены основные черты «медиаобраза» В. Путина в интервью и научных работах Зб. Бжезинского, подано очертания политического портрета президента РФ и перечень его личностных качеств, выделены основные положения прогностического видения американским политологом будущего самой России, что, в свою очередь, определяет параметры российско–американских отношений в ближайшей и дальнейшей перспективе, в том числе и в контексте российско–украинского кризиса.

Ключевые слова: Россия, ЕС, США, Зб. Бжезинский, В. Путин, украинско–российские отношения.

* * *

УДК 94

Мамедова Г.,
доктор философии по истории, Институт истории
Национальной академии наук Азербайджана
(Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

РОССИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ПРИБРЕЖНУЮ ЧАСТЬ ШИРВАНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Экспансия Российской империи в прибрежную часть Ширвана была связана с планом расчленения Сефевидского государства и установлением контроля над важными торговыми маршрутами. Появление российских войск встретило сопротивление местного населения, и жесткую позицию со стороны Османской империи, которая не могла допустить приближения России к своим границам и распространения ее влияния на тюрко–мусульманские народы Кавказа.

Ключевые слова: Сефевидское государство, Российская империя, Персидский поход Петра I.

(статья друкується мовою оригіналу)

Поражение войск Сефевидского шаха под Исфаганом в марте 1722 года от афганских повстанцев под началом Мирмахмуда подтолкнуло Петра I, не завершив все необходимые приготовления, в середине мая 1722 года выступить во главе гвардии в поход и 15 июня прибыть в Астрахань.

Сам Петр I, объявив Хаджи Дауда и Сурхай хана врагами, под предлогом оказания помощи сефевидскому шаху, предпринял поход в прибрежную часть Ширвана. Петр I распорядился распространить среди местного населения воззвание – «Манифест» на тюркском языке, чтобы население могло понять «смысл» похода. Так, в Манифесте, написанном на азербайджанском языке и обращенном к мусульманам–шинитам, заявлялось, что главной задачей императора было восстановление порядка, нарушенного

силами, враждебними шаху. Петр I объявил, что является якобы другом Сефевидского шаха, считавшегося также духовным главой шиитов. Он временно занимает владения Сефевидов, чтобы не допустить их захвата османами, и в дальнейшем вернет их шаху. В обращении же к христианскому населению российский император объявил, что целью его похода является освобождение их от мусульманского гнета [22, с. 58–59].

В «Манифесте» заверялось, что российский государь обещает всем полную безопасность жизни и имущества. Объяснялось, что поход организован для наказания Сурхай хана и Хаджи Дауда, которые были главными виновниками гибели и разорения русских купцов в Шамахи в 1721 году и как мятежники являются врагами шаха [1, с. 22–23].

Таким образом, путём манипуляций и откровенного обмана Пётр I стремился выиграть время и добиться расположения местного населения.

По сообщениям консула С. Аврамова на реляцию русского резидента в Османской империи Неплюева о том, что якобы в поход выступило стотысячное войско: «толь великого числа войска... не пошло, но отправлена... некоторая часть...» [7, л. 89]. Кроме того, указанная русским резидентом цифра фигурирует в сообщениях почти всех иностранных агентов того периода [12, с. 125]. Это подтверждает и С. М. Соловьев, который пишет, что «Посол английский, венецианский и резидент австрийский разглашали, что русский государь вступил в Персию со 100 000 войска, что несколько преувеличено [21, с. 190].

Так, П. Г. Бутков считает, что в походе императора участвовало 40 тыс. войск [13, с. 14], В. П. Лысцов – свыше 50 тыс. человек [16, с. 6]. Наиболее убедительна цифра, данная П. Г. Бутковым на основе указа Петра I бригадиру Левашеву.

Поход в прибрежную часть Ширвана Петра I мотивировался как «получение сатисфакции над першими ребелями», поэтому, чтобы не вызвать подозрений, было взято всего 40 тыс. человек, а некоторая часть, состоящая из калмыков, в виде резерва была оставлена в Астрахани [12, с. 125].

Петр I поручил князю Туркестанову отправиться к каргильскому царю Вахтангу VI с предписанием выступить со своим войском и встретиться с ним «где-то между Дербентом и Баку» [11, с. XXXV; 13, с. 19]. Вахтанг VI известил царя, что по его приказу встретится с русскими войсками в Ширване: «Если Государю по причине тамошних дел не будет досужено и если они будут задержаны оттого, чтобы прибыть сюда, пусть они соизволят по крайней мере приказать своему войску идти в Ширван; мы выступим отсюда, соединимся, а после все дело устроится с Божьею помощью. Мы завладели всеми землями до Эрвана и постараемся взять самый Эрван» [11, с. XXXI].

Между тем, русская армия по пути к Дербенту была вынуждена преодолевать сопротивление местных владельцев. Султан Махмуд Утемышский и кайтагский уцмий Ахмед хан с десятитысячным войском напали на русских недалеко от Буйнака, однако они были разбиты [18, с. 45]. Это был первый отпор русской армии.

Петр I выступил в поход 18 июня 1722 года.

В «Асари Дагестан» отмечается, что российский войскам, идущим сухопутным путем, дорогу преградили

эндереевцы. Драгунские полки разбили их и сожгли селение. Многие жители общества Эндери и прибывшие к ним на помощь были убиты (до 300 человек), ранены и попали в плен. С русской стороны было убито до 70 человек и много ранено [10, с. 65].

Петр I 5 августа 1722 года с другой частью войск высадился на берег в Аграханском заливе и, соединившись с кавалерией, идущей сухопутным путем, направил армию на юг по побережью Каспийского моря. Тарковский шамхал Адиль Гирей хан устроил русскому императору торжественную встречу на р. Сулак. Петр I по приглашению шамхала посетил его дворец в Тарки. Далее по дороге в Дербент 18 числа на русские войска напал каракайтагский уцмий Махмуд султан. За это столица его уцмийства была разорена. Сопровождавшая Петра I его жена, императрица, писала об этом Меньшикову так: «Мы от Астрахани шли морем до Терка и от Терка до Аграхани, а там, выбрався на земли, дожидались долго кавалерии, и потом дошли до владения салтана Махмута утамишевского. Оный ничем к нам не отозвался; того ради августа 19 числа по утру послали к нему с письмом трех человек донских казаков, и того же дня третьяго часа пополудни сей господин нечаянно наших атаковал, которому гостю зело были рады, и, приняв, проводили его наши до его жилища, отдавая контра визит, и побывав там, сделали из всего его владения фейерверк для утехи им» [19, с. 7].

Алкадари в «Асари Дагестан» пишет, опираясь на Хроники уцмий, что Султан Махмут выступил по приказанию уцмий, собрав из разных районов и округов до шести тысяч войска. В результате они были разбиты, «часть людей убита, часть попала в плен, с уцелевшими правитель спасся бегством а русское войско разграбило и сожгло их селение, достигавшее пятисот домов, а также разграбило и другие ближние селения. Из числа пленных император казнил несколько лиц. При этом русским войскам досталось до пяти тысяч овец и прочих угнанных животных» [10, с. 65–70].

В то время сложилось двоякое мнение у местных правителей на счет появления русских войск в регионе. Так, один из влиятельных феодалов Арслан бек предлагал пустить в город Дербент отряды Кайтагского уцмий и Хаджи Дауда, чтобы вместе с ними организовать сопротивление русской армии. Наиб города Имам Гули бек, в свою очередь, считал, что оказание сопротивления намного превосходящим силам русских войск является бессмысленным и может привести к гибели города и всех его жителей [18, с. 46].

Имам Гули бек отправил Петру I письмо, в котором заверил российского императора, что приходу русских войск в город Дербент не будет оказано сопротивление. Петр I отправил дербентским жителям грамоту с заверениями в «императорской милости» [1, с. 12].

Отряд полковника Наумова, соединившись с эскадрой под командованием Ф. Соимонова, прибывшей на судах, вошли и расположились в Дербенте. Наконец, 23 августа 1722 года Петр I торжественно въехал в Дербент, наиб Имам Гули бек преподнес ему ключи от города [14, с. 19–20].

Имам Гули бек понимал бесполезность сопротивления при таких условиях 100–тысячной русской армии и поэтому он решил, что переход под покровительство Российской империи обезопасит Дербент от бесконечных вторжений в дальнейшем и создаст стабильность в регионе [15, с. 321].

Петр I утвердил Имам Гули бека в должности наиба города Дербента и пожаловал ему чин генерал-майора дербентской милиции [2, с. 72–73].

Российские власти ликвидировали Дербентский султанат, на его месте была образована Дербентская провинция. Управление Дербентской провинцией было возложено на коменданта, назначаемого из числа русских офицеров. Первым комендантом Дербента стал полковник Юнгер. Дербентский наиб осуществлял гражданское управление [14, с. 22–23].

Наиб города Дербента был подотчетен начальнику дербентского гарнизона. Лица, поступившие на российскую службу, получали жалование. Так, по указу Петра I от 8 января 1724 года наиб города получал жалование в размере 1000 рублей, юзбаши и другие служители все вместе – 1000 рублей, рядовые (600 человек) по 5 рублей и по 5 четвертей хлеба.

С целью укрепления своих позиций в завоеванных прикаспийских провинциях российские власти наметили следующие меры: 1) укрепление имеющихся крепостей и сооружение новых; 2) увеличение российского воинского контингента; 3) христианская колонизация Дербента за счет казачьего населения [18, с. 46–47, 132–133].

Будучи в Дербенте император отправил морем в Баку одного поручика и несколько служащих с обращением к бакинскому населению перейти под покровительство России. Но по возвращении послы сообщили, что бакинские жители не позволили им сойти с судна в город и ответили, что сами могут себя защитить и другого покровительства им не надо [10, с. 65–70].

Примечательно, что для осуществления своих первоначальных планов Российская империя, нуждавшаяся в источниках сырья, особенно в шелке-сырце, стала расширять торговлю с Азербайджаном, входившим в состав Сефевидского государства, при этом вовлекая в орбиту своей политики армянские торговые компании, в частности, новоджувлинскую компанию.

Как известно, Петр I в дальнейшем не участвовал в походе лично. При этом его войска и флот продолжили выполнять намеченный ранее план.

Единственной противодействующей силой российской политике на Южном Кавказе была Османская империя, с которой Россия опасалась столкнуться. Чтобы избежать военного конфликта с ней, Русское правительство через своего резидента в Стамбуле И. Неплюева старалось убедить Османское государство, что оно дальше прикаспийских областей не двинется. Для интереса приведем отрывок из письма к Неплюеву: «...его величество из провинций персидских, которые близ границ турецких лежат, отнюдь не желает себе присовокупить и кроме тех, которые обретаются по Каспийскому морю за собой удержать не хочет» [5, л. 51об].

Петр I в сентябре 1722 года направил резиденту Неплюеву, находящемуся в Стамбуле рескрипт. Неплюев передал османским властям, что войска российского царя прибыли в Иран лишь для «получения сатисфакции» за убытки, причиненные русским купцам в Шамахе и для защиты русских границ от бунтовщиков. В реляции подчеркивалось, что российские войска к османским границам не будут приближаться [11, с. XII].

Вскоре поход был прерван. Помимо давления со стороны Османской империи в расчет принимались крушение двух российских эскадр у Аграханского залива

и вспышка заболевания среди солдат и падеж лошадей. В итоге, 5 сентября 1722 года Петр I отдал приказ о возвращении армии в Астрахань. 7 сентября 1722 года начался вывод российских войск, что стабилизировало российско-османские отношения. Россия, недавно завершившая долготетную войну со Швецией, не могла ввязаться в новые военные действия. В Дербенте был оставлен лишь военный гарнизон под командованием полковника Юнгера [18, с. 48–49].

Другой причиной, усилившей беспокойство русского правительства, как уже говорилось, было обращение шамахинских повстанцев во главе с Гаджи Давудом за помощью к Османской империи. Это хорошо видно и из указа консулу: «...оные бунтовщики просили некоторой сильной державы о протекции, которая не токмо о сей взятой от бунтовщиков провинций, но и зело далее на Персию намерение имеют» [4, л. 3]. Это опасение оставалось даже после вступления русских войск в прибрежную часть Ширвана. Поэтому не случайно, что в рескрипте к Неплюеву русское правительство вновь обнадеживало Османскую империю, что они «дабы Шемахи вглубь в Персию идти не намерены... и дабы они по своему обещанию в том помешки не чинили...» [5, л. 3].

Российская экспансия нанесла существенный ущерб мусульманскому населению Ширвана.

22 ноября 1722 года наиб Дербента Имам Гули бек, отец которого за верную службу в период правления сефевидского шаха Аббаса получил титул юзбаши, обратился к российскому императору Петру I с несколькими письмами. В них он описал очень тяжелое положение населения Дербента, причиной которого назвал восстания в Ширване и осаду города Ширвана Хаджи Даудом. Поэтому местные жители не могли заниматься земледелием и сельским хозяйством, в связи с чем наступил голод городского населения. В ответ на его просьбу из Астрахани жителям Дербента было отправлено 5 тыс. четвертей хлеба, масло, соль и различные продукты [22, с. 58–59]. Этот факт широко распространен во всех советских изданиях, однако умалчивается, что после вывода основного российского воинского контингента из прибрежной части Ширвана командиру отряда, поселенного в крепости, сооруженной на месте отделения Аграханского протока от реки Сулак, генерал-майору Кропотову было приказано переселить в это место жителей Терского города и построить красивый город. Это вызвало возмущение дагестанцев. Сам шамхал Адиль Гирей хан выступил против, в результате сражения он был арестован и выслан в Россию [10, с. 65–70].

Российские власти прилагали максимум усилий для активизации Волжско-Каспийской торговли и поощряли участие дербентцев. В 1722–1723 года развернулось строительство городской гавани в Дербенте для морского сообщения с Астраханью с целью увеличения товарооборота [15, с. 76].

В 1722 году российские власти назначили Хусейн Али хана Губинским правителем, должность наиба перешла к Афразиябу, а назира – Фарамазу. (По данным П. Г. Буткова назначения были произведены в 1726 году). Хусейн Али хана Губинский освобождался от налогов в пользу российской казны: «Доходами сей земли пользуется хан, не давая в казну государьеву нимало. Только он обязан, когда потребно будет, со всеми своими подданными на войну идти» [13, с. 97, 248].

Интересы Российской империи не ограничились северо-западным побережьем Каспия.

В декабре 1722 года русская эскадра овладела городом Решт на южном побережье Каспия. 17 июля 1723 года русские военные корабли вошли в Бакинскую бухту, и российское военное командование потребовало от Бакинского хана разместить в Баку русский гарнизон. Получив отказ, Баку был подвергнут непрерывному пушечному обстрелу. Городские стены Баку местами были сильно разрушены, что ослабило сопротивление бакинцев. Русские моряки 28 июля 1723 года заняли город.

Русский консул при Сефевидях С. Аврамов предложил Тахмасибу II военную помощь в обмен на прикаспийские провинции и убедил шаха послать своего посланника в Россию для заключения союзного договора.

Одновременно русское правительство через консула С. Аврамова стремилось склонить персидского шаха Тахмасиба II к уступке прикаспийских областей, обещая при этом защиту от Османской империи и от так называемых бунтовщиков, т.е. повстанцев [7.1, л. 6об.-7].

Кстати, надо сказать несколько слов об «уступке» прибрежной части Ширвана Русскому государству. В исторической литературе бытует мнение, что шах Тахмасиб II предложил Петру I прибрежную часть Ширвана с тем, чтобы получить помощь для борьбы с «бунтовщиками» и афганцами. Однако, как явствует из архива консула С. Аврамова, инициатором уступки прикаспийских областей первоначально выступила Россия, которая в случае положительного разрешения данного вопроса одновременно осуществляла свои как экономические, так и политические задачи. Именно стремление занять прибрежную часть Ширвана заставило Петра I направить гонцов Чеботаева, Петричуса и Власова 31 октября 1721 года к консулу С. Аврамову с требованием:

1. Добиться старого или нового шаха увидеть.
2. Мотивировать, что «мы идем к Шемахе не для войны с Персиею, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали».
3. Получить согласие на уступку прикаспийских областей и предложить помощь: «...им при сем крайнем разорении надобна помощь, то мы готовы им помогать и почистить от всех неприятелей и паки утвердить постоянное владение персидское, ежели они нам уступят за то некоторое по Каспийскому морю лежащая провинция...».
4. Договориться, что «если им угодно будет, то б немедленно прислали к нам посла своего (с полной мочью)».

В указе также говорилось, что если шах не примет этих условий, то «турки не оставят всю Персию завладеть» [4, л. 4об; 7.1, л. 4-4об].

Получив эти указы, С.Аврамов немедленно приступил к их осуществлению. Он встретился с сыном шаха Султана Гусейна Тахмасибом II, «который ныне наследие и надежда персидского государства» [6, л. 6об], и предложил ему некоторые условия из вышеизложенного указа, сконцентрировав основное внимание на отправке посла и предложив за это вознаграждение «войск со всякою артиллериею» [6, л. 6а].

Не получив от Тахмасиба II утвердительного ответа, консул не решился поднять вопрос об уступке в прибрежной части Ширвана, так как «усмотрел в них замерзлую спесь и гордость и несклонение» [4, л. 6а об].

С. Аврамов обратился также к некоторым высокопоставленным лицам, которые отнеслись благосклонно к его предложениям, однако не дали своего согласия на отправление посла в Россию. Консул вторично побывал у Тахмасиба II в момент, когда русские войска вступили в Дербент, и большая часть страны с юго-востока была занята афганцами. Не обладая никакой реальной силой, шах вынужден был для борьбы против афганцев во главе с Мир Махмудом и ширванских повстанцев обратиться за помощью к России и дать свое согласие на отправку посланника в Петербург для заключения договора об уступке прибрежной части Ширвана за предлагаемую помощь [6, л. 7об].

По словам консула, назначенный посланником в Россию бывший при Аврамове мехмандар Исмаил бек был отправлен в сопровождении Дмитрия Петричуса 26 июля 1722 года. Однако в связи со сложившейся обстановкой выезд посланника несколько задерживался, что противоречило планам Петра I. Поэтому С. Аврамову был направлен повторно указ, в котором ему поручалось отправить срочно Исмаил бека на присланных русских судах в Дербент, а оттуда – в Россию, и «замедлением своим он может потерять интерес за продолжением времени» [4, л. 7об; 6, л. 7об].

Вскоре Исмаил бек был доставлен в Решт, где к этому времени уже находились русские войска под командованием полковника Шипова. Тахмасиб узнал, что Пётр I с армией прибыл в Прикаспье и уже занял Дербент и Решт. Возмущенный, он послал курьера в Решт, чтобы вернуть Исмаил бек. Однако, находившийся там русский консул С. Аврамов получил распоряжение от российских властей задерживать шахского курьера в одной из деревень до тех пор, пока он не отбудет в Россию, несмотря на то, что Тахмасиб лишил Исмаил бека полномочий. Так, с этой целью в Решт был направлен курьер с указом к послу, чтобы он «не ехал» и «войска б не просил» [13, с. 40; 16, с. 188; 20, с. 123]. Таким образом, С. Аврамов задержал посла Исмаил бека, который в дальнейшем ни о чем не ведая, благополучно 10 августа 1723 года прибыл в Петербург.

12 сентября 1723 года был заключен так называемый Петербургский договор, закрепляющий за Российской империей все области по берегу Каспийского моря, от Дербента до Астрабата. По условиям заключенного Петербургского договора, Россия обещала Сефевидам военную помощь взамен на «вечное владение» городами Баку и Дербент, а также всеми прилегающими к ним землями. В связи с тем, что Исмаил бек был лишен полномочий, данный договор не был ратифицирован со стороны шаха, а посол был объявлен изменником [3, с. 29; 9, с. 63-64; 13, с. 54-55; 20, с. 134].

Тахмасиб II не признал этот трактат, но Пётр I не обратил на это никакого внимания.

По сообщению И. Неплюева, Петербургский договор 1723 года вызвал негодование османского двора: «подавал подозрение учинённой вашего величества с шахом персидским трактат и немалую нам принёс суету и по необходимой нужде признал за оной публично...» [8, л. 13]. Османский визирь выразил свой протест в письменной форме на имя французского посла [8, л. 13].

Французский посол предъявил И. Неплюеву требование, чтобы Россия отступила, для того, чтобы сохранить мир. По словам И. Неплюева: «... я знаю для чего французы стараются, только единого ради такого намерения, чтоб

ваше величество с Портою миру не разорвал, и ежели бы можно приговорили б хотя Украину отдать точною б помиритца, тако они о России меньше мыслять нежели Францией...» [8, л. 14].

В результате османский двор потребовал от И. Неплюева удалиться из Османской империи. Состоялся расширенный диван по поводу объявления войны Российской империи [8, л. 140б].

По донесению И. Неплюева, османы намеревались захватить все Сефевидское: «...турки пойдут на Персию и заберут, может быть и всю Персию, кроме того, что ваше величество себе назначал. И в таком случае шах Тахмасиб по трактату на ваше величество будет негодовать, что его не обороняешь, и в отчаянии поддается туркам и будет трактат с вашим величеством порочить, потом с турками ваше величество без войны, по пробудешь» [8, л. 15].

И. Неплюев считал, что российское правительство должно убедить Тахмасиба пойти на уступки Османской империи. В противном случае османские войска буду продолжать наступления в глубь территории Сефевидов и даже выйдут к Азову [8, л. 15].

По сообщению И. Неплюева, османы претендовали на территорию от слияния р. Куры и Аракса до Хамадана, включая озеро Урмию, и «от этого озера до Хамадана по предгорью горы от Хамадана прямо до исконных турецких земель» [8, л. 150б–16]. При таком раскладе, юго-западный Азербайджан и Тебриз переходили под власть османов. И. Неплюев советовал Петру I определить реку Куру границей между российскими и османскими владениями, а границей сефевидских владений – реку Аракс «до Джульфы, а от Джульфы прямо до Хамадана». В результате Тебриз оставался бы у Сефевидского государства. И. Неплюев в ходе переговоров с османскими властями запрашивал царский двор о возможных уступках. Например, разрешать ли османам иметь за Курой владения, и как будет проходить граница через город Шамахи и в целом Ширван до Кавказских гор. Неплюев подчеркивал, что владения шамхала должны оставаться в российских пределах, т.к. тот находился под протекцией российского царя [8, л. 16].

Таким образом, Российская империя хоть и укрепились в прибрежной части Ширвана, на западных и южных берегах Каспийского моря, однако она встретила жесткую позицию по поводу этого со стороны османского двора. Османская империя не могла допустить приближения России к своим границам и распространение ее влияния на тюрко-мусульманские народы Кавказа.

Список использованных источников

1. Dəlili H. Azərbaycan – Rusiya münasibətləri Fars və Azərbaycan dilli sənədlərdə. – Bakı, 1976.
2. Əliyev F. XVIII əsrin birinci yarısında Azərbaycanda ticarət. – Bakı: Az SSR EA nəşriyyatı, 1964.
3. Mustafayev T. T. XVIII əsrin birinci yarısında Azərbaycanda Rusiyaya meylin güclənməsi. – Bakı: Elm, 1986.
4. АВПРИ. – Ф. СРП. – Оп.77/1, 1722. – Д.1.
5. Там же. – Оп.77/1, 1722. – Д.4.
6. Там же. – Оп.77/1, 1722. – Д.2.
7. Там же. – Оп.77/1, 1722. – Д.7.
- 7.1. Там же. – Оп.77/1, 1723. – Д.2.
8. АВПРИ. – Ф.89 (СРТ). – Оп.1, 1724. – Д.6. – Ч.1.
9. Алиев Ф. М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. – Баку, 1975.
10. Алкадари Г.–Э. Асари–Дагестан / Пер. и примеч. А. Гасанова. – Махачкала, 1994.

11. Армяно–русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Т. II, Ч. I. Под ред. А. Иоаннисяна. – Ереван: Изд–во АН Арм. ССР, 1964.

12. Бергман В. История Петра Великого (Перевод с немецкого Е. Аладыш). – 1855.

13. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч.1. – СПб., 1869.

14. Военная история походов россиян в XVIII веке. Т. IV, Ч.2. – СПб.: Военная типография главного штаба его императорского величества, 1823.

15. Козубский Е. И. История города Дербента. – Темир–Хан–Шура: Русск. тип. В. М. Сорокина, 1906.

16. Лысцов В. П. Персидский поход Петра I. 1722–1723. – М.: Изд–во МГУ, 1951.

17. Мельгунов Г. В. Поход Петра Великого в Персию // Рус. вести. – март: 1874. – Т.3.

18. Мустафазаде Т. Т. Азербайджан и русско–турецкие отношения в первой трети XVIII века. – Баку: Элм, 1993.

19. Семен Эсадзе. Историческая записка об Управлении Кавказом. – Тифлис, 1907. – Т.1.

20. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний яко часть истории государя императора Петра Великого. – СПб., 1763.

21. Соловьев С. М. Пётр Великий на Каспийском море. Вестник Европы. – СПб., 1868. – Т.2, 3–й год.

22. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско–иранских и русско–турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора до Кючук–Кайнарджийского мира 1700–1774 гг. – М.: Наука, 1991.

References

1. Dəlili H. Azərbaycan – Rusiya münasibətləri Fars və Azərbaycan dilli sənədlərdə. – Bakı, 1976.
2. Əliyev F. XVIII əsrin birinci yarısında Azərbaycanda ticarət. – Bakı: Az SSR EA nəşriyyatı, 1964.
3. Mustafayev T. T. XVIII əsrin birinci yarısında Azərbaycanda Rusiyaya meylin güclənməsi. – Bakı: Elm, 1986.
4. AVPRI. – F. SRP. – Op.77/1, 1722. – D.1.
5. Tam zhe. – Op.77/1, 1722. – D.4.
6. Tam zhe. – Op.77/1, 1722. – D.2.
7. Tam zhe. – Op.77/1, 1722. – D.7.
- 7.1. Tam zhe. – Op.77/1, 1723. – D.2.
8. AVPRI. – F.89 (SRT). – Op.1, 1724. – D.6. – Ch.1.
9. Aliiev F. M. Antiiranskie vystupleniya i bor'ba protiv tureckoj okkupacii v Azerbajdzhanе v pervoj polovine XVIII v. – Baku, 1975.
10. Alkadari G.–Je. Asari–Dagestan / Per. i primech. A. Gasanova. – Mahachkala, 1994.
11. Armjano–russkie otnosheniya v pervoj treti XVIII veka. Sbornik dokumentov. T. II, Ch. I. Pod red. A. Ioannisjana. – Erevan: Izd–vo AN Arm. SSR, 1964.
12. Bergman V. Istorija Petra Velikogo (Perevod s nemeckogo E. Aladysh). – 1855.
13. Butkov P. G. Materialy dlja novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god. Ch.1. – SPb., 1869.
14. Voennaja istorija pohodov rossijan v XVIII veke. T. IV, Ch.2. – SPb.: Voennaja tipografija glavnogo shtaba ego imperatorskogo velichestva, 1823.
15. Kozubskij E. I. Istorija goroda Derbenta. – Temir–Han–Shura: Russk. tip. V. M. Sorokina, 1906.
16. Lyscov V. P. Persidskij pohod Petra I. 1722–1723. – M.: Izd–vo MGU, 1951.
17. Mel'gunov G. V. Pohod Petra Velikogo v Persiju // Rus. vesti. – mart: 1874. – T.3.
18. Mustafazade T. T. Azerbajdzhan i rusско–tureckie otnosheniya v pervoj treti XVIII veka. – Baku: Jelm, 1993.
19. Semen Jesadze. Istoricheskaja zapiska ob Upravlenii Kavkazom. – Tiflis, 1907. – T.1.
20. Sojmonov F. I. Opisanie Kaspijskogo morja i chinennyh na onom rossijskih zavoevanij jako chast' istorii gosudarja imperatora Petra Velikogo. – SPb., 1763.
21. Solov'ev S. M. Pjotr Velikij na Kaspijskom more. Vestnik Evropy. – SPb., 1868. – T.2, 3–j god.
22. Sotavov N. A. Severnyj Kavkaz v rusско–iranskij i rusско–tureckij otnoshenijah v XVIII v. Ot Konstantinopol'skogo dogovora do Kjuchuk–Kajnardzhijского mira 1700–1774 gg. – M.: Nauka, 1991.

Mammadova G., PhD in history, Institute of History Azerbaijan National Academy of Sciences (Azerbaijan, Baku), matlabm@yandex.com

Russian expansion in the coastal areas of Shirvan and its consequences

The expansion of the Russian empire in the coastal areas of Shirvan was associated with the plan of split of the Safavi state and the establishment of control over the important trade routes. The appearance of Russian troops was met with resistance by the local population, and a tough stance by the Ottoman Empire. The Ottoman Empire could not prevent the Russian approach to its borders and spread of its influence on the Turkic-Muslim peoples of the Caucasus.

Keywords: the Safavi state, the Russian Empire, the Persian campaign of Peter I.

Мамедова Г., доктор філософії з історії, Інститут історії Національної академії наук Азербайджану (Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

Російська експансія в прибережну частину Ширвана та її наслідки

Експансія Російської імперії в прибережну частину Ширвана була пов'язана з планом розчленування Сефевідської держави і встановленням контролю над важливими торговельними маршрутами. Поява російських військ зустріло опір місцевого населення, і жорстку позицію з боку Османської імперії, яка не могла допустити наближення Росії до своїх кордонів і поширення її впливу на тюрко-мусульманські народи Кавказу.

Ключові слова: Сефевідська держава, Російська імперія, Перська похід Петра I.

* * *

УДК 94(73)«1953/2000»:329.11+327]

Мочалов Є. А.,

аспірант, Київський національний університет ім. Тараса Шевченка (Україна, Київ), Mochalov.ml@gmail.com

Діяльність Джин Кіркпатрік на посаді представника США в ООН (1981–1985 рр.)

Аналізується діяльність Джин Кіркпатрік на посаді представника США в ООН як приклад одного з найвищих залучень неоконсерваторів до державної влади. Автор доходить висновку про те, що, хоча дипломатична посада Кіркпатрік і була одною з найвищих, вона не мала значної можливості впливати в житті неоконсервативну концепцію зовнішньої політики.

Ключові слова: Американський неоконсерватизм, ООН, Джин Кіркпатрік, США, холодна війна, Рональд Рейган.

Джин Кіркпатрік в 1981 р. стала першою жінкою – послом Сполучених Штатів в ООН [1, с. 153]. Крім того, вона увійшла в історію як один з перших представників неоконсервативної частини американського політичного істеблішменту, що зайняв високий державний пост і мав можливість впливати на американський зовнішньополітичний курс.

Неоконсерваторами в американській історико-політичній традиції прийнято називати групу суспільно-політичних діячів, які дотримувалися ряду відокремлених принципів в аналізі зовнішньої політики та оцінці систем національної безпеки. Основоположними серед них були антикомунізм і жорстке неприйняття принципів політики розрядки. Неоконсерватори також дотримувалися думки про інституційну слабкість системи міжнародної безпеки, підкреслювали необхідність ефективного використання американських збройних сил, а також виключну важливість активного захисту демократичних принципів і ліберальних урядів у всіх регіонах планети.

Діяльність Дж. Кіркпатрік на посту посла в ООН, неофіційно вважається другим після держсекретаря у зовнішньополітичній ієрархії США, має ключове значення для дослідження історії неоконсервативного руху в США, його ролі і доктринальних основ. До всього іншого, період її служби в ООН (1981–1985 рр.), є одним з найбільш важливих етапів в історії міжнародних

відносин. Її каденція збіглася з поверненням до «холодної війни» і потужним тиском США на Радянський Союз у всіх сферах міжнародної політики, у всіх географічних частинах світу. Міжнародне становище перших десятиліть ХХІ ст. дало додаткові приводи звернутися до спадщини Дж. Кіркпатрік. За підсумками своєї діяльності в ООН вона приходила до невтішного висновку щодо критично низької ефективності існуючих інституцій міжнародної безпеки, що неодноразово знаходило підтвердження в історії міжнародних відносин. Криза системи ООН дійсно стало нерозв'язною проблемою, що викликає критичні оцінки багатьох дослідників, помітне місце серед яких зайняли представники неконсервативної середовища, чия роль стала особливо помітною в період адміністрацій Дж. В. Буша.

Новообраний президент США Р. Рейган призначив, члена свого передвиборчого штабу Дж. Кіркпатрік представником США в ООН 20 січня 1981. У повідомленні про призначення особливий акцент було зроблено на академічному і інтелектуальному рівні майбутнього посланця США. Крім перерахування наукових робіт та періодичних публікацій Дж. Кіркпатрік, а також її нагород, зокрема зазначалося, що вона є членом ряду суспільно-політичних організацій [2]. Більшість дослідників єдині в думці, що вирішальну роль в її призначенні на один з вищих дипломатичних посад зіграла її фундаментальна стаття «Диктаторства подвійні стандарти», опублікована в журналі *Commentary* у листопада 1979 р. [3]. Радник Рейгана з національної безпеки Р. Ален звернув увагу на цю статтю [4, с. 46]. Робота ґрунтувалася на критиці зовнішньої політики адміністрації Дж. Картера, особливо на Близькому Сході і в Латинській Америці [3]. У ній рішуче стверджувалося, що американським національним інтересам не відповідала підтримка рухів опозиційних авторитарним режимам у різних країнах некомуністичного світу, а навпаки, була вигідною підтримка самих цих режимів [4, с. 57].

Дослідник американського неоконсерватизму Дж. Ерман зазначає, що Дж. Кіркпатрік відрізнялася від більшості неоконсерваторів. Перш за все, вона не була випускницею Нью-йоркського міського коледжу і не мала єврейського походження (хоча і зауважимо зі своєї сторони, в студентстві, подібно до багатьох своїх пізніших однодумців, вона належала до молодіжних трюккістських організацій). Більш того, більшість з прибулих на держслужбу в Вашингтон новобранців з неоконсервативної репутацією були досвідченими політичними бюрократами. «Дж. Кіркпатрік ж була інтелектуалкою і багаторічним професором Джорджтаунського університету» [5, с. 149], – зазначає Дж. Ерман. Таким чином, не було випадковим те, що саме Дж. Кіркпатрік з усіх неоконсерваторів, залучених до роботи в адміністрацію Президента в 1981 р., отримала найбільш публічну зовнішньополітичну посаду.

Як зазначає історик Дж. Вінік, завдяки своєму жорсткому стилю і твердій лінії, вона стала відомою в американському політичному співтоваристві в якості «Посла від *Commentary*», соціально-політичного видання, що публікував більшість найважливіших робіт американських неоконсерваторів, а також є свого роду хрестоматією концептуальних ідей неоконсерватизму.

Перед затвердженням на посаду, Дж. Кіркпатрік, виступаючи перед сенатським комітетом з питань